

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-129-144

УДК 101.8

КАРНАВАЛ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУ «МАКДОНАЛЬДСОМ» И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

Илларионов Григорий Андреевич,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Сибирского федерального университета,
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
ORCID: 0000-0002-1676-3796
bromov1917@yandex.ru*

Кудашов Вячеслав Иванович,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Сибирского федерального университета,
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79;
профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Красноярского государственного медицинского университета
им. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Россия, 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1
ORCID: 0000-0001-7009-8179
vkudashov@mail.ru*

Аннотация

Статья П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна» выражает отношение российской профессуры к процессам трансформаций отечественных науки и образования и поиск их оснований, одним из которых выбран концепт карнавала М.М. Бахтина. Применимость этого концепта в отношении постмодернистской социальной реальности вызывает сомнение, поскольку карнавал предполагает инверсию «победившей правды», релятивизируемой в фамиллярной форме «шутовских венчаний и развенчаний». Современная реальность уже не содержит «победившей правды», которую можно было бы подвергнуть инверсии, в связи с этим от карнавала остается только само шутовство. Мы предлагаем собственный взгляд на основания трансформации науки и образования в России, в постмодернистской манере предполагающих двойственность реальности. Первая – бюрократическая реальность, описываемая метафорой макдональдизации (Д. Ритцер), ориентированная на целерациональные рыночные отношения «образовательных услуг», количественную

просчитываемость рейтингов и контролируемость системы. Вторая реальность – это коллективное бессознательное российских преподавателей, позиция которых близка не к карнавальной инверсии М. Бахтина, а к традиционалистской мистико-религиозной инверсии Р. Генона. Современность предстает искажением примордиальной традиции, сакрального первоначинания, в роли которого чаще всего предстает советская система науки и образования. Каждое явление становится противоположностью истинному его значению: преподаватели – «обслуга», ученые – «спортсмены», эксперты – «клоуны». При этом «истинные» наука и образование преподносятся как нечто самоочевидное. Обе реальности не способны к диалогу, поскольку первая ориентирована на рыночную целерациональность и социальный оппортунизм, вторая – на имплицитно или явно сакрализованные этические ценности «культы науки и прогресса». В этих условиях со стороны ученых наивно ждать понимания своих интенций от реальности бюрократии, но конфликтовать с ней бессмысленно и деструктивно. В качестве более реалистичного пути развития науки и образования предстают самоорганизация научного сообщества через формирование кружков и диалог между ними, средством чего может выступать настоящая дискуссия.

Ключевые слова: наука, образование, феномен карнавала по Бахтину, мадонализация, традиционализм Генона, примордиальная традиция, постмодернизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Глларьонов Г.А., Кудашов В.И. Карнавал образования: между «макдональдсом» и традиционализмом // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 129–144. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-129-144.

Статья профессоров П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна» [8] затрагивает темы и вопросы, вызывающие тягостные раздумья, рефлексии и неприятную адаптацию сотрудников современной российской науки и высшей школы к социальным условиям нашей деятельности. Ее трудно строго отнести к научному жанру. Авторы не обозначают научных проблем, «затруднений в мышлении», потому как «кризис образования», вопрос о котором становится центральной темой всей работы, так и остается не сформулирован и не определен. Когда уважаемые профессора задаются вопросом о том, находится ли образование в кризисе, единственным критерием наличия кризиса оказывается недовольство сотрудников этой системы, относящихся к профессорско-преподавательскому составу. Иными словами, ученые и преподаватели недовольны состоянием системы, что, впрочем, как указывают и сами авторы, будет верно для любого исторического периода со времен Сократа.

Отправной точкой всего рассуждения является даже не сам «кризис образования», а недовольство ученых и преподавателей состоянием дел в этой области. Остальная же часть статьи посвящена красочному и акту-

ально-злбодневному раскрытию этого недовольства. Это позволяет нам говорить о том, что основную часть риторики работы профессоров Разумова и Ореховского составляет не столько логос, сколько этос и пафос, а сама статья носит характер скорее социально-этической рефлексии, нежели научного познания. Об этом же свидетельствует отсутствие каких-либо четко сформулированных выводов, за исключением констатации положения дел, что представляется в большей степени многоточием, чем точкой.

Замечание об этическом характере статьи вовсе не является критическим. Напротив, на наш взгляд, именно в этом и состоит главная ценность работы. Несмотря на «кризис образования», российская наука явно не испытывает дефицита предметных знаний, свидетельства чему приводят сами Ореховский и Разумов: сохранение сильных технических школ, успешно реализующих государственные заказы в некоторых, преимущественно военных, областях, а также регулярное пополнение рядов западной науки отечественными кадрами. Дефицит существует в области базовой, относящейся к ядру парадигмы российского образования и науки, вернее, его отсутствию. Культурная база, детерминирующая научный дискурс, который определяет цели и идентичность ученых, остается несформированной. Развивать науку бессмысленно без культурного контекста, в который она могла бы быть вписана, причем этот контекст должен предполагать условия для научного развития. Очевидно, что современный российский культурный контекст представляет собой скорее пространство двух полярностей. Первая – циничные прагматики, ориентированные на сиюминутный частный интерес. Вторая – поле битвы всевозможных политических, социальных, идеологических, религиозных, этнических, исторических и экономических мифов, архетипов и прочих структур бессознательного. Именно поэтому мы полагаем именно социально-этические дискуссии, начатые в горизонтальной, не иерархичной плоскости, крайне необходимым для формирования дискурса, несводимого к финансовому интересу или обскурантизму. Разумная коллективная рефлексия должна быть противопоставлена как мракобесию, так и оппортунизму.

В связи с этим мы хотели бы включиться в предложенную дискуссию, тем более что тема анализа положения образования и науки не является ни новой, ни слабо разработанной. Сибирская гуманитарная мысль также накопила значительный материал подобной рефлексии. Помимо самих авторов и упоминаемого в статье Н.С. Розова [11], тематике образования посвящали работы и О.А. Донских [4], В.С. Диев [3], В.И. Кудашов [5], А.П. Никитин [7] и многие другие. Методологически риторика этоса дает нам известную свободу от ограничений научного жанра. Как было сказано, обличение образования являлось привычным умонастроением еще со времен Сократа, и в этом смысле происходящее в современной России не является чем-то экстраординарным. Мы имеем дело с темой, выходящей

за четкие временные рамки отдельной эпохи. Такая «вечность» вопроса о кризисе образования делает уместной философскую постановку вопроса.

В XIX и XX вв. такие знаменитые мыслители, как К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, были объединены общим духом «философии подозрения», убеждением, что сознательная деятельность и мысль человека определена некоторыми скрытыми от него структурами, поиск которых с различных методологических позиций стал одним из лейтмотивов гуманитарной мысли. Уважаемые профессора Ореховский и Разумов размышляют в том же ключе, выбирая в качестве скрытого основания карнавал, культурную ситуацию, раскрытую М. Бахтиным в его оригинальной концепции. Однако «карнавальное» объяснение процессов в современном российском образовании и науке вызывает у нас ряд возражений.

Невозможный карнавал

Возможен ли карнавал, как его описывал Бахтин, в условиях постмодерна? Карнавал «враждебен всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незабываемость и вечность». Но чему может быть враждебен постмодернистский карнавал, когда борьба против всего завершённого и готового и является господствующей общественной парадигмой?

Карнавал требует «динамических и изменчивых, играющих и зыбких форм для своего выражения». Но именно таковы формы выражения современной культуры. «Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка». И это именно тот пафос постоянного прорыва и освобождения от прошлого, который можно абсолютно смело назвать доминирующим дискурсом, поскольку перманентная инновация является официально декларируемой политикой большинства сообществ современности, в том числе и России, где «что старее, то хуже».

«Для карнавала очень характерна своеобразная логика “обратности”, “наоборот”, “наизнанку”, логика непрерывных перемещений верха и низа, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний». Но что может быть вывернуто наизнанку в социуме, где постоянное развенчание уже приняло форму дурной бесконечности «постиронии», которую бессмысленно пытаться представить «отрицанием отрицания», когда каждый новый смысл является не утверждением, а формой высмеивания предыдущего смысла и который неизбежно становится предметом для нового высмеивания. Рекурсия «постиронии», наглядным воплощением которой становятся бесконечные мемы Интернета, цепочкой высмеивающие друг друга, не позволяют развенчать что-либо, поскольку что-либо не может быть увенчано.

Мы полагаем, что попытка принять механизмы карнавала как скрытое основание положения науки и образования в России бесперспективно и не вполне корректно. Бахтин писал, что «...карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» [1, с. 15]. Но современная Россия не имеет господствующей правды, по отношению к которой карнавал мог быть оппозицией.

Карнавал требует святынь, над которыми можно было бы глумиться, метанарративов, которые можно было бы низвергнуть, и высказанной правды, которую можно было бы высмеять. Очевидно, что такого рода объектов в современной России нет, она представляет собой плюрализм множественности реальностей, как и пишут Ореховский и Разумов. Постмодерн подобен карнавалу внешне, он столь же фамильярен, инверсивен и релятивен. Но он делает карнавал бессмысленным и невозможным.

В связи с этим мы предлагаем свою версию метафор положения дел в высшей школе и науке России. Как и было сказано, реальность современности множественна как на практическом деятельностном уровне, так и на уровне теории и рефлексии. Это означает, что одной метафоры недостаточно для описания скрытых оснований нашего объекта. В этом смысле авторы дают нам материал в виде одной формальной реальности «спектаклей», «клоунад» и бюрократии, которую они описывают. А то, каким образом они ее описывают, мы можем использовать в качестве материала описания другой реальности ценностных ориентаций ученых и преподавателей.

Реальность бюрократии: образование макдональдизированное

Современная мысль не признает тотальных систем, неизменно вызывающих отторжение и быстрое критическое низложение. Однако за плюрализмом дискурсов и невозможностью построения тотального Логоса в духе христианства, Гегеля или Маркса скрывается тотальность иного рода. В отличие от научной и философской мысли эта тотальность нерелексивна, ей необязательно быть высказываемой и определенной, она живет более практичными и обыденными целями и средствами, однако оказывается способна к ассимиляции любого феномена культуры в себя. Такой тотальностью предстает рынок, система экономических отношений, способная что угодно нивелировать и превратить в финансово-экономические отношения.

Когда М. Вебер в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» анализировал отношения сформировавшейся в его время капиталистической системы, он связывал их с религиозно-этическими трансформациями протестантских обществ, показывая, как культура преобразует экономические отношения. По тому же пути идет современный американский социолог Д. Ритцер, рассматривая вопрос с обратной стороны –

как функционирование рыночных институтов трансформирует культуру. Результатом стал концепт макдональдизации, где метафорой выступала ставшая символом фаст-фуда сеть «Макдональдс» [9]. Макдональдизация российского высшего образования не является новой идеей. Публикации, констатирующие подобное положение дел, можно найти и в отечественных исследованиях [6, 7].

Базовые принципы функционирования макдональдизированного образования, выделяемые Д. Ритцером, таковы: эффективность, контроль, предсказуемость, просчитываемость. Когда Ореховский и Разумов критикуют габитус современного российского вуза, они относят такие его явления, как формализация, бюрократизация, кумовство, равнодушие к учебному процессу, к проявлениям «карнавала», пространству относительности и релятивизма. Но мы получим иную картину, если взглянем на вопрос в контексте не «карнавала», а «Макдональдса».

Современное образование не «учит», оно «оказывает образовательные услуги». Современная наука не «познает», она осуществляет «производство инноваций, облегчающих жизнь». «Макдональдс» не занимается «кулинарией», он «производит еду». В макдональдизированном обществе основной формой отношений, которая стремится ассимилировать все прочие отношения, является рыночное производство и потребление. Коммерциализируется и превращается в рынок всё: наука, искусство, религия, война, революция, любые впечатления и эмоции. Такая рыночная тотальность не нуждается в победившей правде, оппозицией к которой мог бы выступать карнавал, ведь любая такая правда создает границы и рамки, принуждает к их соблюдению, что лишь мешает свободной смене состояний, являющейся лучшей адаптацией к рынку. В общих целях наращивания собственного потребления и богатства возможны любые смены парадигм, идеологий, концептуальных основ и систем идей, которые служат маркетинговыми масками для рационально организованных систем производства.

Успешное коммерческое предприятие должно функционировать предсказуемо, а в логике макдональдизированного общества современной России на коммерческие рельсы постепенно переводятся социальные институты, что отмечают и профессора Разумов и Ореховский, проводя аналогию с процессами в российской армии. Как отечественные бюрократы, ставшие менеджерами предприятий образовательного рынка, могут обеспечить эту предсказуемость? Ведь обучение есть глубоко личностный, даже интимный процесс, испытывающий глубокое влияние индивидуальных особенностей мировоззрения и мышления учащихся и преподавателей. Как возможно оценить учебный процесс, подчинить его логике рынка, превратить субъективную «учебу» в объективное «образовательное производство»?

Очевидно, что ответом на этот вопрос стало создание той альтернативной реальности российского образования, в которой пишут о «жалобах профессоров на то, что им меньше приходится заниматься наукой и преподаванием и гораздо больше времени тратить на оформление планов и отчетов, выражаемых в различных ФГОСах и РПД» [8, с. 79]. Если учебный процесс неуправляем, его нужно сделать irrelevantным для функционирования системы, ведь для «Макдональдса» принципиально не очень важно, хороша подаваемая еда или плоха, важно лишь поддерживать запланированный уровень продаж. Результаты деятельности ученых и преподавателей объективно оценить невозможно существующими средствами познания, однако формальная документация абсолютно предсказуема и понятна, следовательно, бюрократы помещают ее в центр системы. И то, что выглядит карнавалом для ученых, оказывается вполне разумным решением в рамках матрицы рыночных отношений и администрирования.

Предсказуемость системы обеспечивает и основанная на личной преданности кадровая политика, которую Разумов и Ореховский столь красочно описали. Авторитет, заслуги, опыт, капризность и вольнодумство интеллектуалов – все эти факторы служат скорее дестабилизации, что неприемлемо в условиях макдональдизации. Чем весомее фигура руководителя или ученого, тем больше ее возможный разрушительный потенциал для предсказуемой системы «Макдональдса». В макдональдизированном обществе для ученого важно разделять рекламные лозунги, говорящие о потребности в «креативных» людях, и реальную потребность в предсказуемых потребителях и работниках.

Еще одним качеством успешного рыночного механизма является его просчитываемость, вычислимость. Нам недоступно достоверно узнать, что получим на выходе в чрезвычайно сложном процессе, именуемом образованием. Получим ли мы циничного практика, равнодушного обывателя, схоласта-начетчика, вольнодумного бунтаря, насколько он будет «умен» и насколько его ум может нести пользу или вред? Причем это будет актуально как на индивидуальном уровне, так и на общественном. Отличным примером этого служит история советского образования, которое подготовило тех людей, что стали архитекторами его уничтожения, а обладающие «блестящим» советским образованием люди в конце XX в. массово погружались в глубины самого темного обскурантизма. То же верно и для науки: как мы можем оценить важность, значимость и полезность той или иной познавательной деятельности и ее результатов?

Бюрократия разрабатывает инструменты, позволяющие обеспечить просчитываемость. Результаты образования подсчету не поддаются, однако рейтинг вуза может быть рассчитан количественно. Оценить работу ученого объективно невозможно, а подсчет количества публикаций позво-

лит оценить его. В той же степени увеличению предсказуемости и просчитываемости способствуют и критерии вхождения в систему, причем как для преподавателей, так и для абитуриентов, поскольку, по нашему мнению, процедуры сдачи ЕГЭ и процедуры получения научных степеней и званий в значительной степени схожи в России и подчинены единой логике.

Они предполагают два способа вхождения в систему высшего образования. Первый – это путь ритуальной инициации, включающий в себя проверку пригодности путем формализованных действий, требующих прежде всего овладения последовательностью актов и нюансов их выполнения. Защита диссертации представляет собой бюрократическую процедуру, в которой формальная сторона вопроса поглощает содержательную, и даже разоблачение фальшивых диссертаций часто носит характер уличения в нарушении процедуры, ритуальной нечистоты плагиата. В той же степени и ЕГЭ требует преимущественно знания структуры теста и ожиданий авторов и проверяющих. Второй путь – это путь использования привилегированного социального положения и финансовых ресурсов. Это создает предсказуемую систему поступления в вузы и пополнения их кадрового состава наиболее усердными или привилегированными. Можно указать, что такое вхождение в систему неэффективно, однако, с нашей точки зрения, критерии формируются не для того, чтобы отбирать лучших, ведь полноценную меритократическую систему отбора человечество так и не создало, а для того, чтобы отбор проходил четко, понятно и предсказуемо.

Таким образом, на наш взгляд, П.А. Ореховский и В.И. Разумов не вполне правы, считая реальность отечественных образования и науки карнавалом. Карнавал лишь кажимость, вторичная реальность, порожденная маркетингом, и форма контроля через вытеснение в нее возможных форм нестабильности. За карнавалом скрывается тотальная система «Макдональдса», стремящаяся к определенности, эффективности, предсказуемости и просчитываемости.

Но всё вышеперечисленное описывает лишь часть реальности науки, что наглядно демонстрируют авторы своим примером. Существует и другая реальность науки – та, что противопоставляет себя формальной бюрократизации, с позиций которой фактически и говорят профессора Разумов и Ореховский и особенности которой вольно или невольно демонстрируют.

Реальность профессуры: образование сакральное

Если за мнимым карнавалом российских высшего образования и науки скрывается рыночная интенция макдональдизации, то какие структуры скрываются за пассивным сопротивлением профессуры этому тренду? Не о таком ли сопротивлении Салтыков-Щедрин писал: «...нет бунта, но и покорности настоящей нет. Есть что-то среднее, чему мы видали примеры при крепостном праве. Бывало, попадет барыне таракан в супе, призовет

она повара и велит того таракана съесть. Возьмет повар таракана в рот, видимым образом жует его, а глотать не глотает?» [12]

Основным приемом объяснения процессов в науке и образовании у Ореховского и Разумова является инверсия: бюрократы, ставшие из обслуживающего персонала хозяевами, и ученые, ставшие обслугой, наука, ставшая спортом, эксперты, ставшие шоуменами и т. д. Но куда в большей степени такая инверсия соответствует не карнавалу М. Бахтина, а инверсии и контринициации интегрального традиционализма Р. Генона.

Общее содержание концепта инверсии Генон раскрывает в работе «Геоософизм – история одной псевдорелигии» [2]. Тезисно он может быть изложен следующим образом: изначальное первоначинание, мистическая примордиальная Традиция, служащая стержнем любой культуры и проявляющая себя в различных формах, оказывается утрачена в обществе XX в. Это проявляется в инверсии всех сакральных смыслов в культуре, когда красивое считается уродливым, а уродливое – красивым, когда мудрецы высмеиваются, а шуты становятся авторитетами, когда ценно временное, а вечное обесценено. Соответственно, инициация – процедура вхождения человека в Традицию превращается в контринициацию – процедуру его исторжения из нее.

Почему мы полагаем сходство между идеалистической религиозно-мистической мыслью Р. Генона и выражаемой профессорами Разумовым и Ореховским критической позицией в отношении отечественных науки и образования? Показателен эвфемизм «духовной проституции», распространенный в преподавательской среде. Преподаватели поставлены в положение обслуживающего персонала. Их недовольство понятно: из относительно привилегированной и престижной социальной группы они превратились в сотрудников фронт-офиса, отдела непосредственной работы с клиентами, говоря корпоративным языком. Но метафора «духовной проституции» подразумевает не то, что это положение невыгодно для преподавателей или нецелесообразно для государства. Имеется в виду, что такое положение аморально, что для преподавателя быть «обслугой» оскорбление, что профессор и ученый заведомо стоят выше подобных отношений, ведь они есть «аристократия», которая не может быть обслугой, а ее пребывание в этом качестве есть карнавал, абсурд. Когда происходит уравнивание обслуживания и проституции, подразумевается справедливое недовольство нарушением своих сословных привилегий. Несмотря на некоторую невежливость сравнения, подобное отношение напоминает тюремную субкультуру с ее презрением к «халдеям», «шестеркам».

Положение преподавателей как обслуживающего персонала предстает инверсией их истинного статуса – так можно трактовать идею «духовной проституции». Ученый, эксперт – эти роли авторы подвергают схожей инверсии «спортсменов» и «клоунов». Студенты становятся антистудентами,

попирая образование циничными принятиями пицци и распитием кофе во время занятий.

Карнавал М. Бахтина предполагал инверсию социальных ролей, релятивизацию господствующей парадигмы. В случае рассматриваемой нами работы затруднение состоит в том, что уважаемые профессора Разумов и Ореховский не обозначают, каким же должно быть образование, как должна функционировать наука, каким образом должны подбираться эксперты. Положение этих институтов преподносится либо как самоочевидность, примордиальная Традиция, либо в сравнении с романтическим временем следования этой Традиции, в данном случае советской наукой, образованием и институтом экспертизы.

Примечательно, что сами авторы фиксируют, что дискурс недовольных преподавателей и ученых не предлагает каких-либо четких путей развития своих сфер. Требования профессоров об увеличении финансирования могут вызвать лишь пронию, ведь подобные требования с той же степенью убежденности выдвигают все профессиональные группы. Возврат же к советскому образованию, как требование, опирающееся на консервативно-романтическую мифологию о «золотом веке», и вовсе предстает архаичной наивностью.

Таким образом, те, кто утверждают свою приверженность научности и разумности, демонстрируют дискурс, схожий с мистико-религиозным традиционализмом как минимум по концептуальной структуре. В чем причина этого? Ведь мы ни на секунду не сомневаемся в просвещенности и образованности профессоров России, тем более что можем без труда обнаружить обширную базу публикаций, в которых эти проблемы обсуждаются с позиций разумности и целесообразности.

Мы имеем видимый парадокс: российские профессора и ученые, будучи разумными и просвещенными людьми, демонстрируют не слишком разумный дискурс специфического «научно-просветительского традиционализма». Профессора Разумов и Ореховский сами отмечают это: «...когда культ науки начинает замещать религию и в современных обществах формируется сциентистская вера в прогресс и возможность решения всех проблем человечества с помощью науки, фундаментальные исследования приобретают налет сакральности». Преподаватели и ученые России, несмотря на различие своих взглядов, имплицитно становятся в положение «защитников веры» и демонстрируют квазирелигиозную приверженность «культу науки», который неуместен в макдональдизированной реальности рынка, поскольку на рынке всё, в том числе и наука, является товаром.

Для того чтобы быть правильно понятыми, поясним: подобная мысль не является строго критической, как и само наблюдение о структурном сходстве мысли уважаемых профессоров с интегральным традиционализмом Р. Генона. Она призвана репрезентовать два тезиса.

Первый заключается в том, что макдональдизированная бюрократическая реальность администрирования науки и образования и квазирелигиозная реальность профессоров демонстрируют неспособность к диалогу, причем с обеих сторон. Рыночная прагматика и ценностно-этический традиционализм имеют разные критерии оценки реальности, с позиций которых любые аргументы оппонировавших сторон выглядят несостоятельными.

Второй тезис вытекает из первого: преподавателям и ученым бессмысленно ждать понимания и изменения политики государства. Но и способность к самоорганизации профессоров ограничена тем, что, будучи индивидуально компетентными исследователями и разумными людьми, коллективно они включены в дискурс иррационального квазирелигиозного отстаивания «культы науки и образования». Это означает, что коллективная рефлексия путем рационально организованного диалога и самоорганизация в случае успеха такого диалога – это наиболее приемлемый и перспективный путь реализации интенций ученых и преподавателей России.

Кружки как путь самоорганизации

Среди тезисов профессоров Ореховского и Разумова наиболее ценным с практической точки зрения для нас выглядит следующий: «По мере дальнейшего развития и разрешения экзистенциального кризиса можно предсказать почти неизбежный подъем “кружковщины”». Однако, в отличие от авторов, мы не рассматриваем такую тенденцию как негативную. Кружки способны стать локальными центрами самоорганизации, в рамках которых при поддержке горизонтальных связей и диалогичности просвещенного сознания российские интеллектуалы путем рефлексии и рационального диалога выработают собственный независимый научный габитус. Отношения профессоров с государством при этом смогут перерасти в патерналистские отношения «любви и ненависти», если российские ученые и преподаватели некоторым коллективным психоанализом сумеют преодолеть наивные надежды на разумные инициативы сверху. Но при этом и борьба с государственной организацией науки и образования выглядит малоперспективной: при текущем уровне рефлексии и традиционалистском дискурсе то, что может возникнуть на месте существующей системы, не окажется ничем, кроме как воплощением самого циничного оппортунизма и обскурантизма.

Макдональдизированное образование в России сегодня выглядит невыблемым, как российское самодержавие в конце XIX в. Последние события, связанные с глобальным экономическим кризисом и пандемией COVID-19, показали слабость и уязвимость текущей конфигурации мировых отношений. Для России это актуально вдвойне, учитывая слабую институционализацию всех сторон жизни общества. В связи с этим предпринимаемые реформы и система отношений центра и периферии, которые

уважаемые профессора описывают, выглядят недолговечными и неустойчивыми. Поэтому наиболее приемлемым путем развития науки и образования в России выглядит путь самоорганизации, которая может начаться именно через возникновение и развитие локальных кружков.

Российские интеллектуалы пока лишены субъектности как сообщество, они либо говорят от лица государственных институтов, частью которых являются, либо высказываются как частные лица. Это и обуславливает слабую представленность ученых и преподавателей в числе влиятельных людей в информационном пространстве. Они либо высказывают частное мнение, либо представляют государство. Кружки как способ самоорганизации представляются путем к обретению некоторого самостояния.

В недавней истории мы имеем пример успешного функционирования кружка, оформившегося в интеллектуальное движение. Речь идет о московском методологическом кружке Г.П. Щедровицкого. Идеи, высказывавшиеся в его рамках, небесспорны, однако он стал заметным феноменом интеллектуальной жизни СССР и России, влияние которого наблюдается и поныне. Формат методологического кружка может использоваться как один из примеров для самоорганизации российских интеллектуалов. Укрепление внешнего влияния может проходить через обращение к более широкому слою населения, превращение работы ученых в «интеллектуальные бренды», узнаваемость которых способна придать вес производимым смыслам в «обществе спектакля». Примером подобного успешного выхода науки в массы является деятельность антрополога С.В. Дробышевского, ставшего популярной медийной фигурой.

Российские интеллектуалы не имеют собственной идентичности. Они связывают себя с государством, служащими которого себя считают, или с антигосударственными движениями – оппозиционерами разного толка, либо с какими-либо школами мысли, чаще всего зарубежными, с иными «невидимыми колледжами». Дискурс, завязываемый через дискуссию, способен сделать российских интеллектуалов самостоятельным субъектом общественных отношений с независимой идентичностью, самостоятельным институтом гражданского общества.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на дискуссию, прошедшую на страницах данного журнала относительно положения сибирской философии, начатую профессором Н.С. Розовым, который констатирует, что «кружковщина» есть уже свершившееся положение дел [10]. В этой связи мы полагаем, что дискуссии, подобные сегодняшней и прошлой, есть необходимое условие и одна из форм самоорганизации ученых и преподавателей России, и эту форму рефлексии необходимо расширять и укреплять.

Подводя итог, мы можем констатировать ценность статьи Ореховского и Разумова на нескольких уровнях. На просветительском уровне она являет-

ся ясным и образным описанием положения дел современной российской науки и образования, показывающим основные современные тенденции и процессы. На исследовательском уровне она служит материалом для анализа теоретических оснований дискурса науки и образования России, показывая мышление отечественных ученых и преподавателей как социальной группы. На метанаучном уровне она служит основанием для надежды на возможность самоорганизации ученого сообщества путем диалога и рефлексии, задавая тему дискуссии, участием в которой стал и настоящий текст.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
2. Генов Р. Теософизм: история одной псевдорелигии. – Калининград: Тотенбург, 2017. – 236 с.
3. Диев В.С. Управление университетом в условиях академического капитализма: иерархия или сеть? // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 128–135.
4. Донских О.А. Дело о стандартах // Высшее образование в России. – 2015. – № 6. – С. 36–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-o-standartah> (дата обращения: 17.11.2020).
5. Кудашов В.И. Перспективы управления российским образованием: децентрализация и дебиюрократизация // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – № 7 (4). – С. 1340–1347.
6. Нансо М.А. Макдональдизация образования: пределы калькулируемости // Народное образование. – 2019. – № 6 (1477). – С. 49–53.
7. Никитин А.П. Макдональдизация высшего образования // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 2. – С. 221–332.
8. Ореховский П.А., Разумов В.И. Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94.
9. Ритцер Дж. Макдональдизация общества. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
10. Розов Н.С. Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство» // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 11–31.
11. Розов Н.С. «Великий разлом» в высшей школе России и переход к сензитивному обществу // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 1. – С. 22–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-razlom-v-vysshey-shkole-rossii-i-perehod-k-senzitivnomu-obschestvu> (дата обращения: 17.11.2020).
12. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // RuLibrary. – URL: http://rulibrary.ru/saltykov-schedrin/istoriya_odnogo_goroda/48 (дата обращения: 17.11.2020).

Статья поступила в редакцию 04.06.2020.

Статья прошла рецензирование 18.07.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-129-144

CARNIVAL OF EDUCATION: BETWEEN MCDONALD'S AND TRADITIONALISM

Illarionov Grigory,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor
Department of Philosophy, Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1676-3796
bromov1917@yandex.ru*

Kudashov Vyacheslav,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Head of the Department of Philosophy, Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation;
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences
V.F. Vojno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University,
1 P. Zeleznyak St., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7009-8179
vkudashov@mail.ru*

Abstract

The article by P.A. Orekhovskiy and V.I. Razumov expresses the attitude of the Russian professors to the processes of transformation of domestic science and education and the search for their foundations, one of which was the concept of the carnival of M. Bakhtin. The applicability of this concept in relation to postmodern social reality is questionable, since the carnival involves the inversion of the “triumphant truth”, relativized in the familiar form of “buffoonery and debunking”. Modern reality no longer contains the “triumphant truth” that could be subjected to inversion; in this regard, only buffoonery remains from the concept of the carnival. We offer our own view on the foundations of the transformation of science and education in Russia, in a postmodern manner suggesting the duality of reality. The first is bureaucratic reality, described by the metaphor of McDonaldization (D. Ritzer), focused on the goal-oriented market relations of “educational services”, quantitative calculation of ratings and controllability of the system. The second reality is the collective unconscious of Russian teachers, whose position is not close to the carnival inversion of M. Bakhtin, but to the traditionalist mystical and religious inversion of R. Genon. Modernity appears to be a distortion of the primordial Tradition, the sacred initiation, in the role of which the Soviet system of science and education most often appears. Each phenomenon becomes the opposite of its true meaning - “servants” teachers, “athletes” scientists, “clowns” experts, while “true” science and education are presented as something self-evident. Both realities are not capable of dialogue, since the former is oriented towards market-oriented rationality and social opportunism, while the latter is oriented toward implicitly or explicitly sacred ethical values of the “cult of science and progress”. Under these condi-

tions, it is naive for scientists to wait for an understanding of their intentions from the reality of the bureaucracy, but it is pointless and destructive to conflict with it. A more realistic way of developing science and education is the self-organization of the scientific community through the formation of circles and dialogue between them, which can be a real discussion.

Keywords: science, education, Bakhtin's carnival phenomenon, McDonaldization, Genon's traditionalism, primordial tradition, postmodernism.

Bibliographic description for citation:

Illarionov G., Kudashov V. Carnival of Education: between McDonald's and Traditionalism. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 129–144. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-129-144.

References

1. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. – Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1990. 541 p.
2. Guénon R. *Teosofizm: istoriya odnoi psevdoreligii* [Theosophy: History of a Pseudo-Religion]. Kaliningrad, Totenburg Publ., 2017. 236 p. (In Russian)
3. Diev V.S. Upravlenie universitetom v usloviyakh akademicheskogo kapitalizma: ierarkhiya ili set'? [University management in the conditions of academic capitalism: hierarchy or network?]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 1, vol. 1, pp. 128–135.
4. Donskikh O.A. Delo o standartakh [Case on Educational Standards]. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2015, no. 6, pp. 36–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-o-standartah> (accessed 17.11.2020).
5. Kudashov V.I. Perspektivy upravleniya rossiiskim obrazovaniem: detsentralizatsiya i debyurokratizatsiya [Prospects of Russian education management: decentralization and de-bureaucratization]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2017, no. 7 (4), pp. 1340–1347.
6. Napso M.D. Makdonal'dizatsiya obrazovaniya: predely kal'kuliruемости [McDonaldization of education: the limits of calculability]. *Narodnoye obrazovaniye = National Education*, 2019, no. 6 (1477), pp. 49–53.
7. Nikitin A.P. Makdonal'dizatsiya vysshego obrazovaniya [The McDonaldization of Higher Education]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 2, pp. 221–332.
8. Orekhovskiy P., Razumov V. Vremya karnavala: rossiiskie vysshaya shkola i nauka v epokhu postmoderna [Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94.
9. Ritzer G. *Makdonal'dizatsiya obshchestva* [McDonaldization of society]. Moscow, Praxis Publ., 2011. 592 p. (In Russian).
10. Rozov N.S. Sibirskaya filosofiya pered intellektual'nym vyzovom: predolet' "provintsializm" i "tuzemstvo" [Siberian Philosophy: an Intellectual Challenge to Overcome "Provincialism" and "Indigeneity"]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, no. 1, pt. 1, pp. 11–31.

11. Rozov N.S. “Velikii razlom” v vysshei shkole Rossii i perekhod k senzitivnomu obshchestvu [“The Great Fault” in the higher school of Russia and the transition to a sensitive society]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2004, no. 1, pp. 22–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-razlom-v-vysshey-shkole-rossii-i-perehod-k-senzitivnomu-obschestvu> (accessed 17.11.2020).

12. Saltykov-Shchedrin M.E. *Istoriya odnogo goroda* [History of one city]. Available at: http://rulibrary.ru/saltykov-schedrin/istoriya_odnogo_goroda/48 (accessed 17.11.2020).

The article was received on 04.06.2020.

The article was reviewed on 18.07.2020.